

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2023

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 11 (133) Том 14 - Социальные трансформации Нового и Новейшего времени: общество, политика, наука. 2023

«Настоящий состав музейных работников неудовлетворителен...»: советская научная политика и подготовка музейных кадров в Ленинградском коммунистическом политико-просветительном институте имени Н. К. Крупской в конце 1930-х гг. — начале 1940-х гг.

Ананьев Виталий Геннадьевич

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация

Статья посвящена попытке создания на базе Ленинградского коммунистического политико-просветительного института имени Н. К. Крупской центра подготовки музейных работников. Опираясь на многочисленные материалы из архивов Санкт-Петербурга и Москвы, автор прослеживает обстоятельства организации музейно-краеведческого факультета этого института, анализирует учебные планы, восстанавливает контингент преподавателей. Обучение было начато здесь в 1938 г. и продолжалось до начала 1942 г., хотя еще в августе 1940 г. новый набор студентов был отменен. История образовательного центра рассматривается в контексте научной политики СССР 1930-х гг. и того места, которое отводилось в ней музеям.

Ключевые слова: музейная политика, Ленинградский коммунистический институт имени Н. К. Крупской, музейная профессия, музееведческое образование

Дата публикации: 14.12.2023

Источник финансирования:

Статья подготовлена при поддержке РФ (проект № 22-28-00052 «Культура истории и история культуры: основные аспекты эволюции историко-культурных исследований в СССР в 1931—1941 гг.»).

Ссылка для цитирования:

Ананьев В. Г. «Настоящий состав музейных работников неудовлетворителен...»: советская научная политика и подготовка музейных кадров в Ленинградском коммунистическом политико-просветительном институте имени Н. К. Крупской в конце 1930-х гг. — начале 1940-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2023. – Т. 14. – Выпуск 11 (133).
URL: <https://history.jes.su/s207987840029066-1-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029066-1

¹ Обеспечение базы для активизации роли музеев в деле осуществления культурной революции в СССР стало одним из важнейших направлений научной политики советского государства начала 1930-х гг. Одним из базовых условий этого являлась подготовка соответствующих музейных кадров. Этот вопрос активно обсуждался как на уровне властей, так и в рамках профессионального сообщества с самого начала 1930-х гг. Журнал «Советский музей», созданный по итогам Первого всероссийского музейного съезда (декабрь 1930 г.), наметившего основные ориентиры музейного развития в новых условиях складывающегося тоталитарного государства сталинского образца, уже в первом номере констатировал: «В качественном отношении настоящий состав музейных работников неудовлетворителен: незначительная партийная и пролетарская прослойка, незначительный процент марксистски грамотных работников и, кроме того, встречаются лица, идеологически чуждые, враждебно настроенные против советской власти и партии»¹.

² Отдельные попытки ввести программы музейной подготовки в высших учебных заведениях, предпринимавшиеся в Москве и Ленинграде, продлились недолго и в начале же 1930-х гг. были отвергнуты². В 1934 г. Наркомпрос РСФСР провел своеобразный опрос союзных республик на предмет наличия квалифицированных музейных кадров, результаты которого были неутешительными. С мест (Киев, Ашхабад, Тбилиси и другие) сообщали о нехватке специалистов, необходимости организации подготовки / переподготовки музейных работников в центре (Москве и Ленинграде)³. Решение этой проблемы центральными властями вновь было предложено половинчатым. Своеобразным субститутом университетской подготовки будущих музейных работников стали Высшие музейные курсы Наркомпроса РСФСР, открытые в Москве в 1934 г. Однако их деятельность затруднялась отсутствием надлежащей материально-технической базы и вызывала существенные нарекания со стороны профессионалов. Все громче раздавались голоса, призывавшие вернуться к прерванному опыту полноценной вузовской подготовки музейных работников. В 1938 г. в том же журнале «Советский музей» была опубликована статья О. Быкова под красноречивым заглавием «Необходим музейный вуз», в которой подчеркивалась важность превращения московских музейных курсов в специализированное высшее учебное заведение⁴. Запрос был очевиден, но вновь политика властей в этом отношении носила половинчатый характер.

3 В статье под боевым заголовком «За большевистское воспитание и подготовку музейных кадров», открывавшей июньский номер «Советского музея» за 1939 г., о принятых решениях сообщалось: «Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса РСФСР принял ряд мер по подготовке новых кадров. На базе бывших Высших музейных курсов Наркомпроса при Ленинградском коммунистическом институте имени Н. К. Крупской создан Музейно-краеведческий факультет с тремя отделениями: историческим, антирелигиозным и экономическим. На факультете учатся 150 человек. При Биологическом факультете Московского государственного университета созданы музейно-краеведческие группы. Проектируется создание таких же групп на историческом, географическом и геологическом факультетах МГУ. Намечено создать музейно-краеведческое училище по типу педагогических училищ и организовать подготовку кадров для литературных музеев при Московском институте философии, литературы и истории. При Музейно-краеведческом отделе Наркомпроса РСФСР работают Центральные музейные курсы повышения квалификации научных работников краеведческих музеев»⁵. Вместо специализированного музейного вуза, таким образом, вновь предпринимались попытки (очевидно, менее затратные как с организационной, так и с финансовой точек зрения) «подлатать» проблему, предложив ряд точечных решений: создание учебных групп, а не направлений, проекты организации училища, а не вуза, те же самые курсы повышения квалификации. Самым масштабным из этих решений стало создание специализированного музейно-краеведческого факультета в Ленинградском коммунистическом политико-просветительном институте имени Н. К. Крупской (далее — Институт). В данной статье, опираясь на архивные материалы Института, мы постараемся проследить историю его функционирования и ответить на вопрос, что же представлял собой этот центр подготовки музейных кадров для новых социалистических музеев.

4 Именно такой выбор вуза был сделан, конечно же, не случайно. С одной стороны, первая попытка подготовки условных «музейщиков» была предпринята здесь еще на рубеже 1910—1920-х гг., когда в Институте внешкольного образования (как тогда назывался вуз) было создано специальное отделение / факультет, называвшиеся музейными, но готовившие не музейных работников в строгом смысле слова, а внешкольников широкого профиля, которые могли бы использовать в своей образовательной работе дидактический потенциал наглядных пособий и коллекций. Впрочем, едва ли этот, прочно забытый и вузом, и государством факт играл в 1938 г. решающую роль. Важнее было то, что выбор делался не в пользу классического института, а в пользу коммунистического политико-просветительного вуза, обучение в котором носило не фундаментальный, а прикладной характер. Такой профессиональный профиль музейного работника как прикладника политпросветчика и отвечал чаяниям государственной политики в области музейного дела, трактовавшей музеи в первую очередь как политпросветкомбинаты.

5 Первое упоминание в архивных документах Института о специальном факультете, ориентированном целиком на музейную подготовку, вероятно, может быть датировано лишь 13 февраля 1939 г., когда в Наркомпрос РСФСР на имя т. Красиковой была направлена телеграмма за подписью заведующего заочным

отделением Института Шемякина: «Сессия не проводилась тчк в марте месяце будет проводиться установочная конференция для заочников музейного факультета»⁶. Следовательно, к библиотечному и политико-просветительному факультетам, составлявшим основу структуры Института к 1938 г., добавился еще один. В июне 1939 г. во Всесоюзный комитет по делам высшей школы были высланы проекты учебных планов заочного отделения по всем трем факультетам⁷. Тогда же проект учебного плана музейно-краеведческого факультета по заочному отделению на 1939—1940 учебный год, составленный «в соответствии с учебным планом основного Института», был направлен и начальнику Музейно-краеведческого отдела Наркомпроса В. А. Радус-Зеньковичу⁸. Сохранность архивного фонда Института за этот период оставляет желать лучшего, и непосредственное распоряжение Наркомпроса об организации нового факультета обнаружить, несмотря на практически фронтальную проверку массива документов за данный период, пока не удалось.

⁶ В литературе отмечалось, что московские курсы были расформированы в августе 1938 г.⁹, то есть, вероятно, как раз к началу нового учебного года. Некоторые детали «перехода» проясняет другой сохранившийся документ — Постановление центральной балансовой комиссии Наркомпроса по годовому отчету Института за 1938 г., в котором указано: «С начала 1938—1939 учебного года в институте был организован музейно-краеведческий факультет, причем на 1 курс прием производился институтом, а студенты 2 и 3 курсов были переведены из высших музейных курсов <...>. Во вновь организованный музейный факультет было намечено принять (вместе с переведенными) 167 человек, фактически к работе приступило 160 человек»¹⁰.

⁷ Правила приема на следующий 1939 г. конкретизировали работу Института, являвшегося «специальным высшим учебным заведением, готовящим высококвалифицированных политико-просветительных, библиотечных и музейно-краеведческих работников»¹¹. Прием по этим правилам проводился уже на три факультета: политико-просветительный, библиотечный и музейно-краеведческий. Последний имел три отделения: историческое (готовящее работников для исторических отделов краеведческих музеев и историко-революционных музеев), экономическое (для отделов соц.строительства краеведческих и технико-экономических музеев), антирелигиозное (для антирелигиозных отделов краеведческих музеев). Срок обучения составлял 4 года¹². В письме, сопровождавшем рассылку правил приема на места, подчеркивалось, что Институт как коммунистический вуз призван готовить «кадры культурно-идеологического фронта, задачей которых является государственная пропаганда идей коммунизма»¹³. Музейная работа, таким образом, трактовалась здесь именно как одно из направлений идеологической работы, что вполне отвечало установкам Первого всероссийского музейного съезда 1930 г. и курсу на подготовку «новых кадров». Заочное отделение должно было быть открыто с 1 сентября 1939 г. и включать те же факультеты и специальности, что и «стационар»¹⁴.

⁸ Характеристика планировавшегося и, как будет видно из дальнейшего изложения материала, частично реализованного на практике учебного процесса содержится в материалах, собранных в архивное дело, получившее название «Учебные планы на 1938—1939 учебный год»¹⁵. При этом отметим, что на самих

планах учебный год реализации не проставлен. Как следует из этих планов, обучение на музейно-краеведческом (или музейно-краеведном) факультете действительно предполагало четыре учебных года и три возможных специализации: историк, экономист и антирелигиозник.

⁹ Учебный план для специализации «Историк» включал учебную (8 шестидневок) и производственную (11 шестидневок) практики, в нем 530 часов отводилось на блок дисциплин под общим наименованием «Основы музейного и краеведного дела», 440 часов на «Историю народов СССР», 310 на «Иностранный язык», 275 на «Историю нового времени», 220 на «Политэкономия», 180 на «Историю средних веков», по 160 на «Историю древнего мира», «Физкультуру», «Диалектический и исторический материализм», «Экономическую географию», «Историю всеобщей литературы», «Историю русской литературы», 140 часов на «Военную подготовку», 120 на «Историю ВКП (б)», 100 на «Историю искусства и архитектуры».

¹⁰ В меньшем объеме читались такие дисциплины, как «Ленинизм», «История биологии и дарвинизм», «История зависимых и колониальных стран», «Основы этнографии», «Основы археологии», «История религии и атеизма», «Источниковедение и методика исследования», «Основы статистики и изостатистики»¹⁶. К числу факультативных дисциплин были отнесены «Конституция СССР», «История философии», «Организация и методика умственного труда», «Основы современной техники», «Новейшие данные естествознания», латинский и греческий языки, «История отдельных народов СССР» и «Историческая география»¹⁷.

¹¹ Содержание основного блока «Основы музейного и краеведного дела» раскрывается в плане, обозначенном как «план для второго курса историков» (то есть, вероятно, окончивших первый курс московских курсов). Предполагалось чтение следующих дисциплин: «Задачи советского музея» (20 часов лекций и 20 часов практических занятий), «Учет и хранение музейных материалов» (30 часов практических занятий), «Устройство музейных зданий и оборудование» (20 и 10), «Консервация и реставрация» (20 и 20), «История музейного дела» (40 и 20), «Метод и организация научно-исследовательской работы» (20 и 20), «Принципы построения исторического отдела музея краеведческого» (40 и 20), «Методика и техника экспозиции» (30 часов практических занятий), «Организация политпросвет работы» (40 и 40), «Методика организации краеведческой работы» (20 и 20), «Организация и планирование музейной работы» (20 часов практических занятий), «Музейно-технический труд» (100 часов практических занятий)¹⁸.

¹² План для третьего курса специализации «экономист» первоначально был обозначен как «Переходный». Он содержал в том же объеме такие дисциплины, как «Учет и хранение музейных материалов», «Устройство музейных зданий и оборудование», «Консервация и реставрация», «Метод и организация научно-исследовательской работы», «Организация политпросвет работы», «Метод и организация краеведческой работы», «Методика и техника экспозиции». В чуть меньшем объеме реализовывались «История музейного дела» (30 и 10 часов), «Организация и планирование краеведческой работы» (30 часов практических

занятий), «Практикум по музейно-техническому труду» (40 часов практических занятий). Причем содержание последнего конкретизировалось как «художественное оформление, нумизматика, модели, этикетаж». Вместо курса, посвященного историческим отделам краеведческих музеев, эта специализация предполагала курс «Принципы построения отделов социалистического строительства в краеведческом музее» (40 и 20 часов)¹⁹.

¹³ Общий план для этой же специализации также содержал некоторые отличия: так, например, вместо курсов по археологии, истории религии, источниковедению, истории искусства и ряду других дисциплин в него были включены как наиболее объемные «Статистика» (общая, промышленная, сельскохозяйственная, изобразительная) в количестве 200 часов, «Экономика промышленности и транспорта СССР» (195 часов), «Экономика сельского хозяйства» (160 часов), «История политической экономии» (120 часов), «История народного хозяйства СССР» (100 часов). В меньшем объеме читались курсы «Основы планирования народного хозяйства», «Основы организации производства» (по 80 часов каждый) и «Основы организации труда в колхозах и совхозах» (60 часов). В число факультативных дисциплин вынесены были «История искусств», «История литературы», «Основы политпросветработы», «История религии и атеизма»²⁰.

¹⁴ Учебный план по специальности «Антирелигиозник» отличался от двух предыдущих за счет включения таких курсов, как «История русской церкви» (80 и 30 часов), «Современный этап развития естествознания» и «Религия и атеизм в СССР», «Основы астрономии» (каждый по 80 и 20 часов), «История философии» (60 и 40 часов), «Анатомия и физиология человека» (60 и 20 часов). Ведущим курсом специализации была «История религии и атеизма», составлявшая 135 и 40 часов лекций и практических занятий соответственно. Факультативные дисциплины выключали «Историю религии и атеизма отдельных народов СССР», «Психологию», «Физику», «Химию», классические языки. Блок «Основы музейного и краеведческого дела» и здесь был рассчитан на 320 часов лекций и 190 часов практических занятий²¹. На двух других факультетах Института (библиотечном и политико-просветительном), судя по данным учебным планам, музейные дисциплины не читались.

¹⁵ Формирующийся центр музееведческой подготовки находился под довольно пристальным контролем со стороны центральных властей. В некотором смысле, он призван был служить доказательством того, что государственная политика в области музейного дела Наркомпросом РСФСР всячески проводится и недочеты, связанные с ее реализацией, устраняются. В 1939 г. и. о. наркома просвещения РСФСР Азаровым была подготовлена «Справка о музеях и памятниках, находящихся в ведении Наркомпроса РСФСР», направленная в Совнарком РСФСР. Институт в ней упоминался отдельно: «При музейно-краеведческом факультете этого Института имеется специальная кафедра. В настоящее время обучается 160 человек. Первый выпуск историков и экономистов будет в 1939—1940 учебном году, антирелигиозников в 1941—1942 учебном году»²². Выпуск историков и экономистов в 1940 г. действительно состоялся, об этом свидетельствует фотография, сохранившаяся в фондах библиотеки Санкт-Петербургского государственного института культуры и размещенная в

электронной библиотеке учреждения²³. На фотографии представлены изображения ряда преподавателей и 38 выпускников музейно-краеведческого факультета по двум этим специальностям. Но это будет позже.

16 А пока, в связи с организацией нового факультета, смета Института в 1938 г. была увеличена с 5 281, 9 тысяч рублей до 5 449,7 тысяч²⁴ (с учетом общей суммы сметы увеличение кажется весьма скромным). В ведомости наличия административно-управленческого аппарата на 25 марта 1939 г. уже значится декан музейно-краеведческого факультета, причем с окладом 521 рубль в месяц, в то время как деканы двух других факультетов получают по 450 рублей.²⁵ Такое привилегированное положение ставки, вероятно, переведенной из Москвы, привело и к некоторым трудностям курьезного характера. Директору Института в сентябре 1939 г. пришло Предложение от Дзержинского райфинотдела за № 875, в котором сообщалось, что актом проверки соблюдения штатной дисциплины от 16 августа 1939 г. выяснилось, что вопреки постановления Совнаркома СССР от 4 июня 1938 г. № 716 в Институте содержатся сверхштатная табельщик с окладом 200 рублей и декан с окладом 521 рубль в месяц. Райфо предлагал либо оформить утверждение этих сверхштатных работников, либо сократить их. Виза, наложенная директором, приоритеты расставляла довольно однозначно: «Приказ. Уволить с 28.09.1939 табельщицу»²⁶. Декан свою должность сохранил.

17 Контингент студентов по месяцам на 1939 г. по музейно-краеведческому факультету составлял с января по июнь, соответственно, 156, 152, 152, 152, 151, 148 человек. Для сравнения на факультете политпросветработы училось в это время от 622 до 512 студентов, а на библиотечном — от 346 до 279²⁷. Таким образом, если принять, что к началу 1939 г. на факультете было три курса студентов (два переведенных из Москвы и один принятый в 1938 г. уже в Ленинграде), в среднем на каждом курсе училось около 50 человек.

18 В целом работа Института в этот период оценивалась вышестоящими инстанциями достаточно неоднозначно. В уже цитированном выше Постановлении центральной балансовой комиссии Наркомпроса по годовому отчету Института за 1938 г., с одной стороны, отмечалось, что «по основному вузу выполнен план приема и сокращен отсев с 10 процентов до 7 процентов»²⁸, но, с другой, приводился и длинный перечень недочетов: «План выпуска значительно не выполнен, штат педперсонала полностью не укомплектован, план по повышению квалификации преподавательского персонала не выполнен, научно-исследовательская работа развернута не полностью. Подготовка аспирантуры еще не достаточно удовлетворительна, так из выпущенных 5 человек ни один не защитил диссертации. Сектор заочного обучения продолжает работать неудовлетворительно»²⁹. Возможно, эти замечания стимулировали сам Институт активизировать свою работу как минимум на уровне планов и проектов.

19 В плане работы Института на 1940 г., утвержденном 17 декабря 1939 г., среди кафедр Института упоминается кафедра Музейного дела и краеведения, единственная на этом факультете. Ее план предполагал более чем активную работу по целому спектру направлений. К публикации намечались следующие учебные пособия: 1) доцента М. В. Фармаковского — «Консервация и реставрация» (обработка стенограммы лекций), 12 листов, январь 1940 г., 2) старшего

преподавателя Н. В. Федоровича — «История музейного дела» (также обработка стенограммы лекций), 5 листов, сентябрь 1940 г. (на стеклографе), 3) старшего преподавателя Е. И. Востокова — «Очерки по методике экспозиционного дела», 5 листов, декабрь 1940 г., на стеклографе. Кроме того, намечалась разработка и подготовка к изданию диапозитивов по истории музейного дела и экспозиционной работе. Так как в 1938 г. среди педперсонала Института был только один доктор и один кандидат наук³⁰, активизировалась работа по подготовке преподавателями диссертаций. К защите были намечены две кандидатские диссертации: и.о. доцента Е. А. Мильштейн в январе 1940 г. должен был защитить работу на тему «Профессиональные союзы в революции 1905—1907 гг.», а старший преподаватель А. Я. Дуйсбург в сентябре 1940 г. — закончить работу на тему «Развитие ткацкого станка»³¹. Первый, судя по упоминавшейся выше фотографии выпускников 1940 г., возглавлял кафедру Музейного дела и краеведения, основным местом его работы был Государственный музей этнографии, которым Е. А. Мильштейн руководил в качестве директора с осени 1937 г.³² Вторая же была сотрудником этого музея с 1925 г., специализируясь на этнографии восточных славян. На фотографии выпускников 1940 г. ее нет в числе преподавателей. Защита диссертации Е. А. Мильштейна действительно состоялась в Институте 27 марта 1940 г.³³ А. Я. Дуйсбург защитила диссертацию уже после войны, в 1946 г.³⁴

²⁰ Кроме индивидуальных научных работ, 1 января 1941 г. кафедра должна была представить материал для институтского сборника по вопросам музееведения в объеме 13 листов³⁵. Такая активизация научно-исследовательской работы на новоорганизованных факультете / кафедре была не случайностью и даже не инициативой с места. Она вновь отвечала запросу свыше и заявленным приоритетам научной политики. В уже упоминавшейся выше передовой статье «За большевистское воспитание и подготовку музейных кадров», опубликованной в журнале «Советский музей», ультимативно констатировалось: «Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы совместно с музейно-краеведческими кафедрами Института имени Н. К. Крупской и МГУ обязан составить программы и учебники по таким предметам, как история музейного дела, методика и организация научно-исследовательской работы в специализированных и краеведческих музеях, принципы построения отделов природы, истории и социалистического строительства, и другим»³⁶. Учебные пособия преподавателей Института, таким образом, должны были стать выполнением государственного заказа на обеспечение будущих «новых профессионалов» учебно-методической базой.

²¹ В план работы кафедры были включены и научные командировки: Е. И. Востокова — в Москву для работы в Историческом музее народов СССР в августе на один месяц, Н. В. Федоровича — туда же для работы в Библиотеке им. В. И. Ленина, Музее революции и Историческом музее, в апреле — мае на один месяц, Е. А. Мильштейна — в Киев и Харьков для работы в исторических архивах и архивах фабрик и заводов в сентябре — октябре на один месяц. А. Я. Дуйсбург и Н. В. Федорович готовились к сдаче кандидатских экзаменов³⁷. Если Е. А. Мильштейн и А. Я. Дуйсбург совмещали работу в Институте с основным местом службы в Государственном музее этнографии, Е. И. Востоков и Н. В. Федорович были сотрудниками Государственного антирелигиозного музея —

бывшего Исаакиевского собора. Первый с 1938 г. был здесь заместителем директора по научной работе, второй же был научным сотрудником, а ранее — ученым секретарем музея³⁸. Их практический опыт, вероятно, был востребован при подготовке антирелигиозников, руководил которой, судя по фотографии выпускников 1940 г., Ю. П. Францев, кандидат исторических наук, уже защитивший докторскую диссертацию, но еще не утвержденный в степени (впоследствии — академик АН СССР, с 1937 г. возглавлявший Музей истории религии АН СССР).

²² Не были забыты в плане работ и студенты. Намечалось продолжение работы кружков этнографического, археологического и фотодела, заслушивание докладов студентов 4 курса об их участии в археологических экспедициях. Должна была быть подготовлена и обсуждена статья студента Т. Н. Тралло «Результаты археологического исследования в Орловской области в 1939 г.»³⁹.

²³ Кроме того, кафедра должна была быть привлечена к организации ежегодных открытых научных сессий Совета Института, посвященных памяти Н. К. Крупской⁴⁰. В издательском плане Института на 1940 г. значится издание тиражом 500 экземпляров книги М. В. Фармаковского о реставрации и консервации и сборника материалов кафедры музейного дела и краеведения (3 000 экземпляров)⁴¹. Отчет кафедры должны были заслушать на заседании Ученого совета Института 9 марта 1940 г. Тогда же планировалось и обсудить учебный план М. В. Фармаковского по курсу «Консервация и реставрация». Защита кандидатской диссертации Е. А. Мильштейна была назначена на 9 апреля⁴². Работа, как видим, велась весьма активная. Но вновь вмешательство сверху привело к изменению планов.

²⁴ Отчет о работе Института в первом полугодии 1940—1941 учебного года начинался весьма бравурно. В нем подчеркивалось, что за это время в Институте были «значительно укреплены кадры преподавателей, повысилось качество лекций и семинарских занятий, студенты значительно больше работали над учебниками и первоисточниками, их знания стали более глубокими, укрепилась государственная и трудовая дисциплина, подвинулась вперед научно-исследовательская работа, укрепилась финансовая дисциплина»⁴³. Однако здесь же оговаривалось: «К началу этого полугодия состав Института несколько сократился, так как в августе 1940 г., согласно приказу НКП, второй курс музейно-краеведческого факультета был передан Ленинградскому Государственному Университету, и у нас приема на 1 курс этого факультета уже не производилось»⁴⁴. Вновь подготовка музейных кадров в Институте была прекращена по решению из Москвы.

²⁵ Там признали, что ликвидация факультета будет целесообразной, «так как нет специальной музейной науки». Новый начальник Музейно-краеведческого отдела Наркомпроса РСФСР А. Л. Маневский констатировал: «Нам нужны не музейщики вообще, а нужны специалисты, знающие музейное дело, — биологи, историки и так далее. Нам нет необходимости в течение четырех лет учить людей, как строить экспозицию»⁴⁵. Впрочем, третий и четвертый курсы оставались и продолжали обучение⁴⁶. Собственно Институт, следовательно, проводил набор будущих музейных работников только два раза, в 1938 г. и 1939 г. В 1940 г. были

выпущены те, кто начинал учебу еще на московских курсах и переехал в Ленинград в 1938 г. В 1941 г. к выпуску готовились те, кто поступал на те же московские курсы, но годом позже.

²⁶ Август 1940 г. ознаменовал прекращение набора на музейно-краеведческую специальность, но не означал полную ликвидацию музейно-краеведческого образования в Институте. Предполагалось, что она продолжится еще два учебных года, когда выпустятся четвертый и третий курсы. Должности декана факультета и его секретаря сохранялись и в утвержденном 20 марта 1941 г. заместителем наркома просвещения штатном расписании Института, и в ведомости наличия штатов на 15 апреля 1941 г.⁴⁷

²⁷ В общем-то, показатели музейно-краеведческого факультета (деканом которого был «тов. Фридман»)⁴⁸ были вполне хорошими. Институтом были составлены и изданы на стеклографе курсы «Консервация и реставрация музейных ценностей» и «Учет и хранение музейных ценностей»⁴⁹, вероятно, оба авторства М. В. Фармаковского⁵⁰. Причем первое из них в институтском отчете было отнесено к числу «наиболее ценных», так как являлось «первым и пока что единственным пособием по данной дисциплине»⁵¹. Специалист по истории материальной культуры и художник, М. В. Фармаковский с 1920-х гг. совмещал работу в научно-исследовательских учреждениях (Академия истории материальной культуры, затем — Институт истории материальной культуры АН СССР) с музейной деятельностью, был одним из создателей Историко-бытового отдела Русского музея, а в конце 1930-х гг. являлся научным консультантом уже реформированного Русского музея, заведующим его реставрационной мастерской, в 1939—1940 гг. изучал климатические условия главного здания музея⁵². В 1941 г. он станет здесь и главным хранителем. Не менее важным был и тот факт, что М. В. Фармаковский являлся чуть ли не единственным крупным музейным специалистом, который еще с 1920-х гг. регулярно преподавал музейные дисциплины в высших учебных заведениях Петрограда-Ленинграда (Высшие государственные курсы искусствознания при Институте истории искусств) и имел огромный опыт не только музейной, но и профильной преподавательской деятельности. Его пособия должны были стать важнейшими текстами для формирования подлинных профессионалов музейного дела. Кроме них, в списке программ, составленных и изданных стеклографическим путем, значились программы по экспозиционной работе и истории музейного дела⁵³ (вероятно, Е. И. Востокова и Н. В. Федоровича).

²⁸ Сам учебный процесс шел в Институте своим ходом. Например, у того же М. В. Фармаковского на курсе «Консервация и реставрация» средний балл по итогам экзамена составил 4,60 и было 100 % хороших и отличных оценок⁵⁴. При этом отмечались и «отдельные случаи завышения оценок»⁵⁵, что было сурово осуждено как «проявление либерализма в оценках»⁵⁶. При этом по успеваемости именно музейно-краеведческий факультет вышел на первое место по институту. Средний балл всех групп факультета был выше 4. Наибольший балл был у группы антирелигиозников третьего курса⁵⁷. А вот показатели у студентов-коммунистов были не самыми выдающимися, и в институтском отчете отмечалось, что на этом факультете «коммунисты также не выполняют ведущей роли». Было

постановлено, что «такое положение» «следует признать в дальнейшем нетерпимым»⁵⁸.

²⁹ О том, какие дисциплины все еще читались оставшимся студентам, частично можно судить на основании запроса на «необходимый почасовой фонд» на первое полугодие 1941 г. (с 1 декабря 1940 г. по 1 июня 1941 г.). Вероятно, здесь имелись в виду средства на оплату преподавателей-почасовиков, основным местом работы которых было какое-либо иное учреждение. Оплаты требовали курсы «Экспозиционная работа», «Методика изучения памятников материальной культуры», «История музейного дела», «Учет и хранение музейных ценностей», «Консервация и реставрация музейных ценностей» (вероятно, читавшиеся Е. И. Востоковым, Н. В. Федоровичем и М. В. Фармаковским)⁵⁹. На факультете проводилась учебная практика без отрыва от производства — студенты третьего курса проходили ее в музеях Ленинграда, а в марте-апреле 1941 г. студенты четвертого курса должны были проходить производственную практику⁶⁰.

³⁰ В научно-исследовательском кружке при единственной факультетской кафедре, возглавлявшейся, судя по фотографии выпуска 1940 г., Е. А. Мильштейном, работало 6 человек. Именно работы участников этого кружка были отмечены среди студенческих работ всего Института — их авторами были студенты четвертого курса Т. Н. Тралло и Медведев, подготовившие на материалах, собранных в ходе археологических экспедиций, работы о новооткрытых памятниках Муромского района и Орловской области⁶¹.

³¹ Хотя ни один из них и не стал впоследствии крупным ученым, их имена все же прочно вошли в историю отечественной археологии. Фундаментальная монография О. Н. Бадера «Балановский могильник» открывается посвящением следующего содержания: «Памяти молодых друзей и учеников, энтузиастов-археологов Александра Давидовича, Юрия Медведева, Тимофея Тралло и Романа Малевича, отдавших жизнь за Родину»⁶². О. Н. Бадер не преподавал в Институте имени Н. К. Крупской, но он читал археологические дисциплины на Высших музейных курсах Наркомпроса в Москве и, в частности, летом 1937 г. руководил производственной археологической практикой тамошних студентов⁶³. Здесь и состоялось его знакомство с Т. Тралло и Ю. Медведевым, которые, судя по всему, после расформирования курсов были переведены для завершения образования в Ленинград. Ю. Медведев еще в майском номере журнала «Советский музей» за 1938 г. опубликовал весьма критическую заметку о постановке учебного дела на курсах, в которой с неудовольствием отмечал перегруженность планов дисциплинами общего характера, отсутствие материально-технической базы, необходимой для качественной организации учебного процесса, и отсутствие поддержки со стороны администрации в развертывании работы студенческого археолого-этнографического кружка⁶⁴. Т. Тралло, несмотря на молодость и отсутствие законченного высшего образования, уже в конце 1930-х гг. пользовался определенным авторитетом в своей научной области. Летом 1939 г. он входил в состав Орловского отряда Десницкой археологической экспедиции АН СССР и после завершения раскопочных работ продолжал консультировать местных музейных работников. Так, например, в том же году директор Жиздринского музея отправил ему письмо с изображением обнаруженного в ходе новых раскопок зуба «от какого-то крупного животного», подобного которому, как сам директор

признавался, прежде он никогда не видел⁶⁵. Студент Института, таким образом, имел в глазах провинциального музейного работника авторитет эксперта в данной области. И хотя следует помнить, что заслуга в подготовке высококвалифицированных кадров в этот период как минимум пополам делилась между Институтом, «подхватившим» студентов в 1938 г., и Высшими музейными курсами, начавшими их подготовку, это нисколько не умаляет определенного потенциала, которым обладал новый ленинградский центр музееведческого образования. Впрочем, и в этот раз реализовать свой потенциал полностью ему не удалось.

³² Как уже отмечалось выше, в августе 1940 г. решением из Москвы набор на музейно-краеведческий факультет был отменен, второй курс передан в ЛГУ (где никакой музейной кафедры не было). А 30 мая 1941 г. наркомом просвещения РСФСР В. П. Потемкиным был подписан приказ о реорганизации Ленинградского коммунистического института политпросветработы в Государственный библиотечный институт⁶⁶. Уже на следующий день появился приказ Комитета по делам высшей школы, регламентирующий выделение в структуре Института двух факультетов (библиотекведения и библиографии) и перевод студентов закрываемого политпросветфакультета на соответствующие курсы новообразованных факультетов⁶⁷. Музейно-краеведческий факультет в этих документах не упоминается, хотя штатные единицы декана музейно-краеведческого факультета и его секретаря сохранялись и в штатах административно-управленческого персонала, направленных в Наркомпрос 13 августа 1941 г.⁶⁸ Конечно, определяющие коррективы в заканчивающуюся историю очередного опыта с музейной подготовкой внесла Великая Отечественная война.

³³ Как писала Л. В. Казанцева, учившаяся в Институте в 1938—1942 гг. и попытавшаяся восстановить военную историю Института одной из первых, «16 октября [1941 г.] в приказе № 153 по институту указывалось, что в связи с временным закрытием института его имущество передается Государственному педагогическому институту им. Н. М. [sic! должно быть М. Н. — В. А.] Покровского <...> Этим же приказом в институт Покровского переводились <...> 16 студентов 4 курса музейно-краеведческого факультета <...> Занимались в институте Покровского 4-е курсы <...> по старому, действовавшему до войны, учебному плану. Внесены были лишь некоторые сокращения, так, например, была снята производственная практика, которую невозможно было организовать в создавшихся условиях»⁶⁹. По воспоминаниям Н. А. Викторовой, переведенные в педагогический вуз студенты Института составили отдельный «временный» библиотечный факультет с тремя отделениями: библиотечным, политико-просветительным и музейно-краеведческим⁷⁰.

³⁴ В начале 1942 г. обучение студентов четвертого курса закончилось сдачей государственных экзаменов. По свидетельству той же мемуаристки, «если экзамены на политико-просветительном и библиотечном отделениях проходили более или менее “нормально” и показали достаточно высокий уровень подготовки студентов, то хуже оказалось положение на музейно-краеведческом отделении. Случилось так, что о нем некому было заботиться, так как в начале февраля Л. С. Фрид [возглавившая Институт после начала войны — В. А.] эвакуировалась

на “большую землю”, а я тяжело заболела [Н. А. Викторова была преподавателем Института — В. А.]. К счастью, нашлась заботливая душа — ныне покойная Л. П. Тихомирова [преподаватель библиотечных дисциплин — В. А.]. Она взялась за организацию госэкзаменов и довела это дело до конца»⁷¹. Несмотря на невероятные тяготы первой блокадной зимы, экзамены были сданы.

³⁵ Так завершилась вторая попытка организовать в стенах Института систему музейной подготовки. Некоторые ее итоги, вероятно, до определенной степени тенденциозные, подвел еще в мае 1941 г. А. Л. Маневский, констатировавший: «Мы получили оттуда целую плеяду хороших директоров и заведующих отделами музеев. Они неплохие музейщики, хорошо могут построить музейную экспозицию, но они плохие биологи, никудашные историки, скверные географы и очень примитивные религиозники. У них нет основы наук. В этом отношении, конечно, нас не может удовлетворить подготовка музейных работников на базе Политпросветинститута»⁷².

³⁶ С учетом того, что к маю 1941 г. проведен был всего лишь один выпуск музейно-краеведческой программы, который составили историки и экономисты, а антирелигиозники, если и закончили обучение, то явно никак еще не успели зарекомендовать себя в профессиональной деятельности, оценку московского руководителя следует воспринимать с определенной долей скепсиса. Вероятно, она была сформулирована на основании и результатов деятельности московских курсов. Набор студентов в Институте был остановлен в 1940 г., то есть до того как вуз перепрофилировали в библиотечный (1941 г.). С чем это было связано? Вероятно, с одной стороны, следует учитывать саму специфику развития музеологического знания. В этот период оно проходило эмпирически-описательную стадию развития, в рамках которой, действительно, если и было возможно говорить об особой музейной науке, то исключительно в прикладном ее воплощении. С другой же стороны, важнейшую роль играла и позиция власти, не только стремившейся достичь поставленных целей с минимальными затратами (административными, финансовыми и так далее), не желая вкладывать в начатый проект релевантные средства, но и не вполне понимавшей специфику вопроса. В начале 1930-х гг. музеи объявлялись политпросветкомбинатами и ориентировались на преодоление «вещизма», в начале 1940-х гг. внезапно оказалось, что музеям нужны именно «предметники», специалисты по профильным дисциплинам. И в том, и в другом случае специфика самого музея как особого медиума оставалась неучтенной, что в итоге и приводило к неполной эффективности его использования для достижения поставленных целей.

Примечания:

1. Безсонов С. В. Подготовка музейных кадров // Советский музей. 1931. № 1. С. 24.
2. См.: Юренева Т. Ю. Формирование кадров советских музейных работников, 1917—1941 гг. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М., 1991. С. 15.
3. Государственный архив Российской Федерации (Далее — ГАРФ). Ф. Р-7668. Оп. 1. Д. 1397. Л. 7—8, 10—11.
4. Быков О. Необходим музейный вуз // Советский музей. 1938. № 5. С. 32—33.
5. За большевистское воспитание и подготовку музейных кадров // Советский музей. 1939. № 6. С. 2—3.

6. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (Далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 327. Оп. 1. Д. 719. Л. 8.
7. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 719. Л. 18.
8. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 719. Л. 19.
9. Юренева Т. Ю. Формирование кадров советских музейных работников, 1917—1941 гг. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М., 1991. С. 15.
10. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 719. Л. 23.
11. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 713. Л. 1.
12. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 713. Л. 1 об.
13. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 713. Л. 4.
14. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 719. Л. 5.
15. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 695.
16. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 695. Л. 13.
17. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 695. Л. 13 об.
18. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 695. Л. 10, 12.
19. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 695. Л. 11.
20. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 695. Л. 14—14 об.
21. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 695. Л. 16—16 об.
22. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2529. Л. 25.
23. Выпуск историков и экономистов. Ленинград, 1940 г. // Электронная библиотека Санкт-Петербургского государственного института культуры [Электронный ресурс]. URL: [>>>](#) (дата обращения: 13.03.2023). Качество фотографии, размещенной в сети, не позволяет с уверенностью прочесть имена изображенных. Мой запрос на имя к. и. н. доцента Белобородовой И. Н. (проректора по научной и творческой работе СПбГИК) от 13.02.2023 г., направленный на электронный адрес Отдела делопроизводства СПбГИК, о возможности публикации фотографии остался без официального ответа.
24. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 719. Л. 24.
25. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 720. Л. 1.
26. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 720. Л. 17.
27. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 720. Л. 9.
28. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 719. Л. 27.
29. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 719. Л. 27.
30. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 719. Л. 23 об.
31. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 716. Л. 7.
32. Долгова Е. А. Рождение советской науки: ученые в 1920—1930-е гг. М., 2020. С. 295.
33. Там же. С. 297.
34. См.: Дуйсбург А. Я. Тезисы диссертации на тему из истории материальной культуры восточных славян (развитие ткацкого станка). Л., 1946.
35. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 716. Л. 8. Сборник так и не вышел.
36. За большевистское воспитание и подготовку музейных кадров // Советский музей. 1939. № 6. С. 4.
37. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 716. Л. 8.
38. О Е. И. Востокове и Н. В. Федоровиче как ученом секретаре в 1937 г. см.: Любезников О. А. Повесть Л. Н. Рахманова «Базиль» в контексте истории Государственного антирелигиозного музея в Ленинграде: Образ Исаакиевского собора в 1930-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 1 (11). С. 113. О Н. В. Федоровиче как

научном сотруднике в 1940 г. см.: ЦГАЛИ СПб. Ф. 330. Оп. 1. Д. 45. Л. 30—31, 78—80. Судя по всему, диссертацию он так и не защитил и в послевоенный период занимался лекционно-пропагандистской деятельностью по вопросам атеизма.

39. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 716. Л. 8.

40. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 716. Л. 15.

41. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 716. Л. 16—17.

42. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 716. Л. 18.

43. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 3—3 об.

44. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 5.

45. Цит. по: Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. М., 2003. С. 413. См. также: Юренева Т. Ю. Музееведческое образование в России в 1920—1930-е гг. // Музейное образование. История и современные концепции. СПб., 2004. С. 15. И в той и в другой публикации на указанных страницах автор пишет и о том, что Наркомпрос РСФСР в феврале 1941 г. обратился в Комитет по делам высшей школы с ходатайством о реорганизации Института в библиотечный, что поставило вопрос о существовании музейно-краеведческого факультета. Но приведенные в соответствующей сноске архивные шифры ГАРФ отсылают к делам, содержащим совершенно другую информацию: цитированную выше справку Азарова (1939 г.). См.: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2529. Л. 25; а также материалы по отправке из СССР педагогов в советские заграничные школы и о приобретении иностранной литературы по линии Наркомпроса РСФСР: ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Д. 2447. Л. 3—4. В любом случае, вопрос о музейно-краеведческом факультете был поставлен уже в августе 1940 г., когда отменили новый набор.

46. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 8.

47. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 734. Л. 12, 6.

48. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 12 об.

49. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 9.

50. В каталоге Российской национальной библиотеки под его авторством отсутствуют. В 1940 г. он принял участие в издании: Хранение музейных ценностей / ред. Тихонов Н. П. Л., 1940. В 1947 г., посмертно, была издана его обобщающая книга на эту тему, в предисловии к которой отмечалось: «В основу публикуемой работы положены лекции, читанные автором в 1939 г. в Ленинграде студентам Музейно-краеведческого факультета Коммунистического политико-просветительного института им. Н. К. Крупской. Эти лекции были заново переработаны и отредактированы автором незадолго до смерти и подготовлены к печати для издания Научно-исследовательским институтом краеведческой и музейной работы». См.: Фармаковский М. В. Консервация и реставрация музейных коллекций. М., 1947. С. 4. Разбивка оригинала на абзацы не сохраняется.

51. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 32 об.

52. Фармаковский М. В. Воздушный режим в музеях. По данным наблюдений, проведенным в Государственном русском музее с весны 1939 г. по июнь 1940 г. Л., 1941; Государственный Русский музей. Из истории музея: Сборник статей и публикаций. СПб., 1995. С. 265—266.

53. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 44 — 44 об.

54. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 13 об.

55. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 11.

56. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 23 об.

57. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 16.

58. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 19.

59. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 732. Л. 5.

60. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 20.

61. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 724. Л. 34 об.

62. Бадер О. Н. Балановский могильник. М., 1963. С. 3.

63. Бадер О. О практической подготовке музейных работников // Советский музей. 1938. № 6. С. 43—45.

64. Медведев Ю. О высших музейных курсах // Советский музей. 1938. № 5. С. 33—34.

65. Краснощекова С. Д., Красницкий Л. Н. Археология Орловской области. Орел, 2006. С. 170—171.

66. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 734. Л. 20.
67. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 734. Л. 21.
68. ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 734. Л. 22.
69. Казанцева Л. В. Институт в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Экзамены войны: Из истории Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2020. С. 20.
70. Викторова Н. Блокадные экзамены // Экзамены войны: Из истории Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб., 2020. С. 44.
71. Там же. С. 45.
72. Цит. по: Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. М., 2003. С. 414; Юренева Т. Ю. Музееведческое образование в России в 1920—1930-е гг. // Музейное образование. История и современные концепции. СПб., 2004. С. 15.
-

Библиография:

1. Бадер О. Н. Балановский могильник. М.: Издательство АН СССР, 1963.
2. Бадер О. О практической подготовке музейных работников // Советский музей. 1938. № 6. С. 43—46.
3. Безсонов С. В. Подготовка музейных кадров // Советский музей. 1931. № 1. С. 23—26.
4. Быков О. Необходим музейный вуз // Советский музей. 1938. № 5. С. 32—33.
5. Викторова Н. Блокадные экзамены // Экзамены войны: Из истории Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб.: СПбГИК, 2020. С. 44—46.
6. Государственный Русский музей. Из истории музея: Сборник статей и публикаций. СПб.: Советский художник, 1995.
7. Долгова Е. А. Рождение советской науки: ученые в 1920—1930-е гг. М.: РГГУ, 2020.
8. Дуйсбург А. Я. Тезисы диссертации на тему из истории материальной культуры восточных славян (развитие ткацкого станка). Л.: ЛГУ, 1946.
9. За большевистское воспитание и подготовку музейных кадров // Советский музей. 1939. № 6. С. 1—4.
10. Казанцева Л. В. Институт в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. // Экзамены войны: Из истории Санкт-Петербургского государственного института культуры. СПб.: СПбГИК, 2020. С. 11—42.
11. Краснощекова С. Д., Красницкий Л. Н. Археология Орловской области. Орел: Вешние воды, 2006.
12. Любезников О. А. Повесть Л. Н. Рахманова «Базиль» в контексте истории Государственного антирелигиозного музея в Ленинграде: Образ Исаакиевского

собора в 1930-е гг. // Музей. Памятник. Наследие. 2022. № 1 (11). С. 99—118.

13. Медведев Ю. О высших музейных курсах // Советский музей. 1938. № 5. С. 33—34.

14. Фармаковский М. В. Воздушный режим в музеях. По данным наблюдений, проведенным в Государственном русском музее с весны 1939 г. по июнь 1940 г. Л., 1941.

15. Фармаковский М. В. Консервация и реставрация музейных коллекций. М.: Красный печатник, 1947.

16. Хранение музейных ценностей / ред. Тихонов Н. П. Л.: Лениздат, 1940.

17. Юренева Т. Ю. Музееведческое образование в России в 1920—1930-е гг. // Музейное образование. История и современные концепции. СПб.: СПбГУКИ, 2004. С. 12—16.

18. Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре. М.: «Русское слово-РС», 2003.

19. Юренева Т. Ю. Формирование кадров советских музейных работников, 1917—1941 гг. Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М., 1991.

“The Current Kind of Museum Staff is Unsatisfactory...”: Soviet Scientific Politics and Training of Museum Personnel at the Leningrad Communist Institute of Political Enlightenment Named After N. K. Krupskaya in the Late 1930s — Early 1940s

Vitaliy Ananiev

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Russian Federation, Saint Petersburg*

Abstract

The article is devoted to the attempt to create on the basis of the Leningrad Communist Institute of political enlightenment named after N. K. Krupskaya training centre for museum workers. The research is based on numerous materials from the archives of Saint-Petersburg and Moscow. The author views the circumstances of the organization of the faculty of museum studies and local lore in this Institute, analyzes the curricula, restores the contingent of teachers. Education began here in 1938 and continued until the beginning of 1942, although as early as August 1940 a new enrollment of students was cancelled. The history of the educational centre is considered in the context of the scientific politics of the USSR in the 1930s and the place that was assigned to museums in it.

Keywords: museum politics, the Leningrad Communist Institute named after N. K. Krupskaya, museum profession, museological education

Publication date: 14.12.2023

Citation link:

Ananiev V. “The Current Kind of Museum Staff is Unsatisfactory...”: Soviet Scientific Politics and Training of Museum Personnel at the Leningrad Communist Institute of Political Enlightenment Named After N. K. Krupskaya in the Late 1930s — Early 1940s // *ISTORIYA*. – 2023. – V. 14. – Issue 11 (133).

URL: <https://history.jes.su/s207987840029066-1-1/>. DOI: 10.18254/S207987840029066-1